

НА ПУТИ К «БАРАБАНИАДЕ»

У Сергея Овчарова свое место в нашем кинематографе. Его фильмы «Небывальщина», «Левша», «Оно», «Барабаниада» — очень русские, укорененные в родном фольклоре и родной литературе, снятые с той полнотой свободы, которая дана художнику, искренне и нежно любящему свою землю и свой народ. Индивидуальность режиссера ощутима в его фильмах, в способе жизни: его не увлекают шумные тусовки, он живет делом. В минувшем году Овчаров получил Серебряный приз на Московском международном кинофестивале за фильм «Барабаниада».

Он вырос на Кубани, где, к нашему счастью, попал в компанию кинолюбителей. Впервые взял в руки кинокамеру в тринадцать лет. И больше не расставался с ней. Потом была Москва, Институт культуры, встреча с педагогом по курсу, кинорежиссером Григорием Рошалем.

— Рошаль занимался с нами, — Овчаров улыбается, — по системе... полной свободы. Мы могли делать все, что хотели. Могли сниматься друг у друга. Писали стихи, прозу.

— Наверное, благодаря этому вы снимаете картины как бы вне киноканона, не вписываясь в общую модель. Но вместе с тем я всегда чувствую в ваших фильмах трезвый расчет, продуманность. Как это совмещается?

— После Института культуры я учился на Высших режиссерских курсах у Глеба Панфилова. Мой первый педагог прививал нам свободу и хорошую самоуверенность в том, что ты все на свете можешь. Глеб Анатольевич, напротив, заставлял сомневаться во всем... В итоге два русла, в общем, сошлись. Панфилов, кроме всего прочего, воспитывал в своих учениках умение «держаться удар».

— Как складывался дальше ваш путь — в частности к вашей главной картине «Барабаниада»?

— Второй десяток лет я пишу крохотные новеллы, маленькие истории, из которых и сложилась «Барабаниада». Правда, когда читаю их, они мне страшно не нравятся. Видимо, я не могу записать, выразить в словах некую поэтику, меня волнующую.

— Но при этом снимаете подлинно поэтические картины...

— И все же обычно я заканчиваю фильм в состоянии жестокого разочарования сделанным. Спасает то, что лучше других об этом знаю я сам. В производстве очень многое невозможно осуществить. Раньше злобствовала цензура, теперь художника подсекают деньги, их отсутствие...

— Мне кажется, у вас была еще одна «Барабаниада», на телевидении?

— Была попытка 1981 года на Центральном телевидении... Бже мой, во что превратили фильм редакторские ножницы!

— Однако вы взяли реванш через десять лет, вернувшись к «Барабаниаде» на новом историческом витке.

— Я уверен, что все в истории повторяется. В несколько видоизмененной форме, но все уже было... Например, есть определенная аналогия между нынешним состоянием нашего общества и Америкой 30-х годов.

— Отсюда и чаплинские мотивы в последней «Барабаниаде»? С героями Чаплина вашего барабанщика роднит его наивность, детская чистота... Поверить в такого человека можно лишь в контексте вашей картины, такой же наивной и беззащитной.

— Когда я написал этот сценарий, его никто не воспринимал. Мне говорили: «Глупость какая-то!» Потом, в процессе съемок, монтажа трудно было найти меру, чтобы рассказан-

ное в картине не обернулось сладостью, сусальностью.

— В этом, как мне показалось, вам здорово помог Александр Половцев, играющий барабанщика.

— Конечно! В жизни Саца как раз несколько не наивен. Он прагматичен, вполне приспособлен к обстоятельствам, умеет ставить задачи и выполнять их. У нас же он играл нечто абсолютно противоположное. Но чистота и наивность есть в каждом из нас, только надо это как бы открыть, найти в себе, пробудить. И выразить на экране.

О каких бы жестоких фактах мы ни говорили в фильме, какие бы жуткие моменты ни затрагивали, за ними должны прочитываться чистота и вера, добро, возможность преодоления зла. Вот что для меня наисущественно!

У человека всегда есть выбор. Жить по принципу «око за око», «зуб за зуб»? Или жить по совести, быть терпеливым и терпимым? Я исповедую второе. И в жизни, и в кино. В Берлине после показа «Барабаниады» на международном кинофестивале критики мне сказали: в вашем фильме в конечном счете выигрывает тот, кто всегда проигрывает...

— Где вы берете силу духа для столь действенной, оптимистичной позиции?

— Истоки оптимизма, жизнелюбия — в детстве. Все было тогда так ясно, светло, полнокровно. Запахи нашего сада, воздух, солнце — они обнимали меня. Детство дарует приобщенность твоей жизни к космосу.

— Истати, барабан — одна из самых любимых детских игрушек. Не потому ли вы выбрали его в качестве верного спутника для героя?

— Вы заметили, какой он формы?

— Кривоват.

— Это его измало время. Ис-

тория. Барабан — одно из самых древних изобретений человека. Он появился в то же время, что и колесо. Колесо положило начало техническому прогрессу. Барабан — художественному, так мне кажется.

— У вас барабан как бы заменил человеческие голоса, фильм — немой. Через пять — семь минут я об этом напрочь забываю — слова были не нужны. И все же, что заставило вас решиться на такое смелое решение — снимать картину без единого слова?

— Я стремился к максимальной зрительской сосредоточенности, но в то же время добивался, чтобы «немота» не была нарочитой, подчеркнутой...

Актер Саха Половцев, к слову говоря, в жизни очень любит разговорный жанр. Он замечательный рассказчик, я заметил это, когда он снимался в моей картине «Оно». Тогда Саха потрясающе смешил всю нашу группу, в том числе и меня. А теперь представьте, каково ему было работать над ролью без слов... В итоге наша немая лента оказалась самой зрительской из тех, что я снимал.

— В таком случае «Барабаниада» обеспечен широкий прокат?

— Вряд ли... У меня уже второй десяток лет особые отношения с прокатом. За эти годы я убедился, что у нас совершенно не умеют работать с фильмом. Его просто-напросто бросают на произвол судьбы, выплывает — не выплывает?

Когда-то мы пытались экспериментировать в петербургском кинотеатре «Молодежный», где Саха Половцев работал заместителем директора по совместительству. Мы показывали картину «Оно» более года, но один-два раза в месяц. Петербуржцы знали, что этот фильм постоянно идет в таком-то кинотеатре, ловили даты показа, ехали к нам. И мы набрали в результате нужное количество зрителей. Но

Половцев больше там не работает.

— Жаль еще и потому, что в таких картинах, как «Левша», «Оно», вы предложили оригинальный взгляд на нашу историю, по-своему интерпретируя прозу классиков — Лескова, Салтыкова-Шчедрина.

— Для меня непреложно: любая экранизация должна иметь отсыл к современной ситуации. Если этого нет, вся работа бессмысленна. Но подлинная классика всегда дает такую возможность. В последнее время мы часто говорим: до революции все было хорошо, прекрасно, а сейчас ужасно... В картине «Оно» речь идет о поразительной, буквально комической совпадаемости наших бывших царей с последующими вождями: те же тексты, призывы, обещания.

— Если не хуже... Но вы говорили о поисках света в самой страшной ситуации. Как это согласовать с вашим социальным пессимизмом?

— Я верю, что человек может сам спасти свою душу, даже в такой ситуации, когда кажется, все кончено. Это в наших силах... Испытано на себе. Я был в тяжелейшем моральном состоянии, уверенный, что моя работа, мое дело никому не нужны. Ждал голодной смерти, потому что ничего не умею делать, кроме как снимать кино. Я видел поток людей, хлынувших на киностудии, пустых, алчных, отмывающих деньги. Равнодушных ко всему, кроме мыслей о деньгах... В этот момент президент ассоциации «Ленфильм» Алексей Голутва и режиссер Алексей Герман спросили: «А почему Овчаров не работает?» И я начал снимать «Барабаниаду». Это было моим спасением.

— Иными словами, вы взяли в руки свой барабан, подобно вашему герою?

— Я верю, что такой барабан может отыскать каждый из нас.

Беседу вел
Эльга ЛЫНДИНА.